

Только для девчонок

Елена Усачева

Пятница – game over

«ЭКСМО»

2007

Усачева Е. А.

Пятница – game over / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2007 — (Только для девчонок)

Это не просто годовая контрольная – это шанс всем вместе поехать на каникулы в Болгарию! Ведь именно такой приз ожидает семиклассников, лучше всех решивших уравнения и задачи. Кажется, дальше все ясно: сиди, готовься, читай учебник. Но не тут-то было! Несчастья так и преследуют отличников из 7-го «А»: Карина сломала руку, Ирка ошпарилась кипятком, Жека получил сотрясение мозга... Неужели кто-то специально выводит ребят из игры? Нужно срочно поймать злодея – иначе о море можно и не мечтать!

© Усачева Е. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Усачева

Пятница – game over

Глава 1

Что наплакал кот

Не успел начаться первый урок, как в класс вошла завуч, оглядела притихший 7-й «А» и сообщила: в пятницу будет годовая контрольная по алгебре.

– Да-да! – пресекла завуч начавшийся шепот возмущения. – Проверять ваши работы будут в РОНО. Так что никаких вам поблажек. Но...

От этого «но» души даже самых отчаянных двоечников, которым что РОНО, что не РОНО – было все равно, покрылись ледяной корочкой.

– Но! – Завуч неожиданно улыбнулась. – Класс, лучше всех написавший работу, поедет в Болгарию.

Все знали, что у директрисы были какие-то связи, и каждый год один класс обязательно ездил на море отдыхать. Видимо, теперь дошла очередь и до их параллели.

Большой радости это сообщение не вызвало, лица ребят остались настороженными. Завуч вышла, напоследок окинув взглядом первые парты. Стук ее каблучков звонким эхом разносился по коридору, и Викентий Михайлович, учитель истории и классный руководитель «ашек», сурово спросил:

– Ну что, седьмой класс, справитесь?

В гробовой тишине муха попыталась перелететь с подоконника на парту толстого Вити Митрофанова, стол которого так вкусно пах бутербродами с телячьей колбасой, но испугалась собственного жужжания и приземлилась на бант Каринки Сидоровой. Каринка была настолько увлечена мыслями о предстоящей контрольной, что не заметила незваной гостьи и позволила мухе спокойно потирать лапки на кромке шелковой ленты.

– А чего тут справляться? – беззаботно протянул Владик Костомаровский и стал демонстративно раскачиваться на стуле. Ласковое имя Владик Костомаровский сохранил с начальной школы. Но если в третьем классе он был симпатичным вихрастым ребенком, при виде которого учителя начинали умильно улыбаться, то к седьмому году учебы он растерял все свое

обаяние, превратившись в обыкновенного двоечника с сильными кулаками и слабой головой. – Мы поедem! У остальных шансов никаких.

Чтобы подтвердить верность своих слов, Владик хотел замереть в самой дальней точке раскачивания, но не удержался и грохнулся на стоящий за его спиной шкаф. Многоэтажная конструкция из дерева и стекла покачнулась, но устояла.

– М-да, Костомаровский, если ты будешь так же писать контрольную, то ехать нам с третьего этажа на первый, не дальше, – кисло улыбнулся историк, оставив выходку Владика безнаказанной. – Тебе бы не мешало посидеть над учебником!

– А я не могу, Викентий Михайлович, – протянул Костомаровский из-под парты. – У меня цифры в голове не задерживаются. Вот если бы стих какой выучить...

В классе захихикали. Все знали, что в дырявой голове Владика не задерживаются не только цифры, но и любое другое «умное» слово, включая определения, таблицы Менделеева и умножения, а также все физические, химические и алгебраические формулы.

– Надеяться на одних отличников глупо, – прервал смехи историк и внимательно посмотрел на первые парты, где, как обычно, обитали жители страны «Запяттеричья»: Каринка Сидорова с мухой на голове, очкастая и страшно вредная Ирка Крюкова, долговязый Жека Стриженов и тихий, испуганный Митька Емцов. – Надо как-то и всем остальным подтянуться. В классе «Б» тоже хватает отличников.

– Зато в «В» их кот наплакал, – ввернул как всегда громогласный Макс Лавренко. – А уж с «бэшками» мы как-нибудь разберемся. В конце концов, их можно и подкупить.

– Никого мы подкупать не будем, – хлопнул ладонью по столу Викентий Михайлович. – Борьба должна быть честной. Занимайтесь, и я уверен, что летом мы непременно поедem на Средиземное море!

Все почему-то дружно зааплодировали, и только отличник Митька Емцов еле слышно спросил:

– А как-нибудь достать вариант контрольной можно? – и, испугавшись, что его неправильно поймут, добавил: – Ну, чтобы всем подготовиться.

Историк пропустил вопрос мимо ушей. Видимо, для него добывание контрольной не относилось к разряду «честной борьбы».

– Ну что же? – Викентий Михайлович открыл журнал. – Надеюсь, никто не поленится пару раз заглянуть в учебник алгебры и вспомнить основные формулы. А пока мы займемся эпохой Екатерины Великой и восстанием Емельяна Пугачева.

Под гул голосов муха сорвалась с головы Сидоровой и устремилась к окну. Не заметив стекла, она врезалась в прозрачную преграду и обиженно полетела прочь.

А на перемене около класса истории неожиданно появились «бэшки».

– Ну что? Посмотрим, кто кого? – Колька Рыбкин зло смотрел на вышедших в коридор «ашек».

– Смотрелки не ломайте, – как всегда, вылез вперед Макс. – Все равно наша возьмет!

– Это с чего это ваша? – надулся Вовка Карманов и засунул руки в карманы брюк. – Верняк – мы на море поедem!

– В следующем году, – мрачно пробормотал Митрофанов, вытирая большущее красное яблоко о рукав. – А в этом – мы. Не спешите покупать чемоданы.

– Посмотрим! – с вызовом повторил Рыбкин, и «бэшки» не спеша удалились.

– Как бы они чего не надумали. – Митрофанов откусил половину яблока и стал с хрустом его жевать.

– Пускай только попробуют! – В глазах Лавренко появился азарт предстоящей борьбы не только на листочках в клеточку, но и в реальной жизни. – Мы тогда тоже что-нибудь отчебучим.

– Это мы можем, – согласился Владик Костомаровский, провожая недобрым взглядом уходящих Вовку с Коляном.

Все вернулись в класс. Жизнь потекла своим чередом, пока не наступил следующий день. Во вторник Каринка Сидорова пришла в школу с перебинтованной правой рукой.

– Ничего себе! – присвистнул стоящий впереди всех Лавренко. Он с любопытством рассматривал тугое переплетение бинтов на руке отличницы. – Как это тебя угораздило?

– Ой, что теперь будет... – Ирка Крюкова поправила сползающие с носа очки и подперла кулачком тощую щеку. – Как же ты писать будешь?

– Можно диктовать, – предположил отличник Жека Стриженов, со странной улыбкой наблюдая за Каринкой.

– Ага, причем на весь класс, – хихикнул Митрофанов, шурша оберткой от «Сникерса». – Тогда у половины точно будут пятерки. – И он вгрызся в шоколадку.

– А у глухих – и шестерки, – мрачно добавил Стриженов.

– Меня мама вчера в поликлинику повела, – всхлипывала Сидорова, утирая мокрые щеки белоснежным бинтом. – А там дети бегали. И я... Я даже не успела заметить, как мне дверью ударили прямо по руке. Врач сказал, перелома нет, но неделю в гипсе проходить придется.

– Видишь, как все удачно получилось. – Макс довольно жмурился, словно от Каринкиной травмы ему была самая большая прибыль. – И по руке получила, и ко всем врачам успела.

– Дурак! – от возмущения Сидорова даже плакать перестала. – У меня теперь справка – освобождение от школы на неделю.

– Минус отличник, – тихо произнес Жека, и все головы повернулись к нему.

– Ничего, оклемаешься, – без тени жалости протянул Костомаровский, который за свою жизнь ломал конечности не раз и не два. – Ты ручку между пальцами засунь и пиши. За неделю натренируешься.

Одноклассники выжидательно посмотрели на Каринку, словно она должна была прямо сейчас дать честное-пречестное слово, что к пятнице непременно научится писать рукой в гипсе, а если понадобится, то и обеими ногами. Но из глаз Сидоровой снова полились слезы, и честного слова от нее класс не дождался.

– Ты чего это про «минус отличник» заговорил? – негромко спросил Владик, подбираясь ближе к стоящему в задумчивости Стриженову.

– Да так... – Жека забрался на подоконник. – У нас с «бэшками» было одинаковое количество отличников. То есть шансы на хороший результат пятьдесят на пятьдесят. Без Сидоровой шансов у нас становится меньше. Если, конечно, кто-нибудь еще случайно на пятерку не напишет.

Костомаровский посопел, почесал в затылке и задал вопрос, который и определил все последующие события этой недели:

– Так это они что же, специально сделали?

Стриженов удивленно вскинул бровь.

– Пятьдесят на пятьдесят, – прошептал он.

– Как это? – совсем запутался в математических исчислениях одноклассника Владик.

– Все просто. – Жека растопырил пятерню, соображая, как бы понаглядней все объяснить бестолковому Владику. – Вот смотри. Какой шанс, что ты на улице встретишь инопланетянина?

Костомаровский уже поднял руку, чтобы почесать в затылке, но движение не завершил.

– Какой уж тут шанс, – решил не утруждать себя подсчетами Владик. – Почти никакого.

– А вот и нет, – радостно щелкнул пальцами Стриженов. – Пятьдесят на пятьдесят. Либо встретишь, либо нет. Так и здесь. Либо все подстроили, либо нет!

И он убежал, оставив одноклассника размышлять над неведомой еще теорией вероятности. Того эти размышления быстро утомили. Все-таки голова Владика была приспособлена под другое, и Костомаровский пошел обсудить новости с друзьями.

Историк долго изучал покалеченную руку Каринки, просил ее разжать и сжать кулак, а потом грустно покачал головой.

– Да, дела... – протянул он, наблюдая, как Сидорова изо всех сил пытается шевелить почти полностью перебинтованными пальцами. – Вы уж, это, берегите себя, что ли.

Викентий Михайлович оглядел притихший класс. В глазах его подопечных читалось нестигаемое желание живыми и здоровыми добраться до пятницы. А если и отдать свою жизнь, то очень дорого.

– А как будут считать проходной балл? – заговорил вдруг Жека. – Средний или общее число хороших отметок?

– Это ты к чему спрашиваешь? – Учитель выглядел заметно погрузневшим.

– Понимаете, Викентий Михайлович, – с пафосом заговорил Стриженов, – если на контрольную придут одни отличники и хорошисты, то наши шансы заметно увеличатся.

– Ты предлагаешь всем двоечникам переломать руки? – внимательно посмотрел на него историк.

– Почему же только руки? – Жека был невозмутим. – Есть еще ноги. А также в нашем распоряжении разные простудные заболевания и вирусные инфекции.

В тишине раздавалось только урчание желудка вечно голодного Митрофанова. От удивления и возмущения никто и слова сказать не мог. Один Костомаровский довольно улыбался. Перспектива не идти на контрольную его только радовала.

Историк ушел, больше ничего не сказав. А что тут было говорить? Контрольная – это честная борьба, никаких обманов и хитростей здесь быть не должно. Да и помешать проверке знаний по алгебре учеников седьмых классов могло только стихийное бедствие в виде цунами или тайфуна. Но ни того, ни другого в Москве весной не бывает, поэтому обсуждай не обсуждай, контрольную все равно писать придется.

На пороге класса Викентий Михайлович разминулся с литератором. Стоял в дверях Сергей Юрьевич уже давно, слышал весь разговор 7-го «А», поэтому добродушно улыбался. Потом он долгим взглядом посмотрел на Карину и только после этого прошел к своему месту. Впереди их ждало обсуждение сложной судьбы собачки Каштанки.

А через два урока, на большой перемене, на вредную Крюкову опрокинулся стол с чайниками.

Дело было в столовой. Жизнерадостный звонок на большую перемену погнал проголодавшихся учеников самой обыкновенной общеобразовательной школы в самую обыкновенную столовую. Оттуда уже давно разносились призывные запахи подгоревшей запеканки и чего-то кислого.

Увлеченные творчеством великого писателя Антона Павловича Чехова ученики 7-го «А» появились в столовой одними из последних. Между столами и лавками вертелся круговорот. «Ашеч» мгновенно прижало к окошку раздачи.

Внезапно среди всеобщего гвалта раздался грохот и перекрывающий его пронзительный визг.

Орала всегда тихая Ирка Крюкова. На нее упал стол, куда всегда ставили чайники с горячими чаем и какао. Но Крюковой крупно повезло: чай был слегка теплый, – так что отделалась Ирка легкими ушибами и сильным испугом.

Поднимали пострадавшую всем миром. Однако Крюкова повела себя странно. Вместо того чтобы обрадоваться неожиданно привалившему вниманию, она начала упираться и отбрыкиваться от тянущихся на помощь рук.

– Не трогайте! – верещала она. – Не подходите! – Ирка попыталась уползти обратно в коричневую лужу, натекшую из чайников. – Не надо!

Вдруг среди одноклассников она заметила Жеку и кинулась на него с кулаками.

– А!!! – громче прежнего закричала она. – Это все ты виноват! Твоих рук дело!!!

Дотянуться до Стриженова Крюкова не успела. Под ноги ей попал очередной чайник, и она снова шлепнулась на пол, подняв вокруг себя чайные брызги.

Жека выразительно покрутил пальцем у виска и оглядел столпившихся ребят. Сочувствия на лицах семиклассников не было. Глаза всех горели любопытством.

– Я-то тут при чем? – пожал плечами отличник и на всякий случай начал выбираться из толпы.

– Кто говорил, что для успеваемости надо, чтобы в классе было меньше народа? – Ирка смахнула пальцем попавшие на очки чайные капли.

– Ненормальная, – пробормотал Стриженов, проходя мимо Макса, словно Лавренко был единственным, кто мог его понять. Но, судя по хитро прищуренным глазам, Макс был другого мнения. Шустрый Лавренко поискал глазами, с кем бы можно было поделиться своими соображениями. Рядом стоял только Владик, с которым никакого обсуждения не получилось бы. Макс отошел в сторону и столкнулся с насмерть перепуганным Митькой Емцовым.

– Ну, а ты чего дрожишь? – хлопнул он по плечу одноклассника.

– А что, если и правда всех отличников в нашем классе убирают? – прошептал еще больше побледневший Митька.

– Не дрейфь, товарищ, прорвемся. На могилах наших врагов еще будут цвести незабудки.

При упоминании могил Емцов стал сине-зеленого цвета и бочком начал выбираться из столовой. Макс поискал глазами другого собеседника. Неподалеку за столом сидел над своей порцией Витя Митрофанов. Несмотря на всеобщую сумятицу, он раздобыл завтрак и уже вовсю трудился над творожной запеканкой, щедро политой разбавленной молоком сгущенкой.

– Ну, а ты что обо всем этом думаешь? – Лавренко попытался стащить кусочек творожника, за что тут же схлопотал ложкой по руке.

– Смотреть нужно, куда идешь. – Митрофанов прикрыл свою тарелку локтем и заработал челюстями в удвоенном темпе. – Тогда чайники падать не будут. А если ворон считать, то не только чайники, шкафы падать начнут.

Слушать про шкафы Макс было неинтересно, и он пошел дальше искать, с кем бы обсудить недавние события.

– А если это и правда Стриженов? – Владик подошел к Лавренко как-то незаметно. – Я тут подумал...

– Вот-вот, – перебил Костомаровского Макс, – ты сначала думай, а потом говори. Зачем Жеке ломать руку Сидоровой, а потом еще и ронять стол на Крюкову? Если мы плохо напишем контрольную, он вместе с нами никуда не поедет.

– Его могли подкупить. – Было видно, что Владик долго обдумывал свои слова. – «Бэшки» победят, а его возьмут с собой.

– Глупо так подставляться, – возразил Макс. – Нет, это не Жека.

– Я тут кое с кем перетер одну темку, – не унимался Владик. – Стриж наведывался к «бэшкам» и о чем-то их расспрашивал.

– Да ладно тебе... – начал Лавренко, но мысль свою не закончил. В пяти шагах от него стоял Стриженов и преспокойно у всех на виду разговаривал с Вовкой Кармановым и Коляном Рыбкиным. Лавренко уже собрался к ним подойти, но Жека, заметив, что на него смотрят, сам поспешно выбрался из столовой.

Ирку увели в медпункт мазать синяки и ссадины. Вернулась она оттуда со справкой об освобождении от занятий на несколько дней.

Сообщение это было настолько ошеломляющим, что среди урока к ним в класс ворвался историк, долго вертел в руках справку, а потом, не сказав ни слова, ушел.

– Митрофанов, хорош жрать! – Лавренко сел на парту одноклассника и смахнул на пол крошки от печенья. – У меня к тебе дело.

– Какое еще дело? – Митрофанов недовольно покосился на неожиданного собеседника и спрятал в портфель початую упаковку «Юбилейного».

– Надо кое за кем проследить, – с таинственным видом произнес Макс.

Митрофанов нахмурился, переваривая информацию и только что съеденное печенье. В животе его забурчало – верный признак того, что ни на какую аферу соглашаться не надо.

– А чего сразу я? – протянул Митрофанов, пододвигая поближе к себе сумку: в случае чего можно будет просто встать и уйти.

– Потому что ты самый незаметный, – торжественно сообщил Лавренко и, предвосхищая возможные возмущения, быстро добавил: – Понимаешь, никому и в голову не придет, что ты за кем-то следишь. А потом, ты живешь в одном доме с Жекой...

Митрофанов посопел, проглатывая новую порцию информации.

– Как это я за ним буду следить? За деревьями прятаться?

Макс довольно прыснул. Он представил, как толстый Митрофанов, поддерживая живот, бежит за Стриженовым, прячется за машинами, лежит в канаве, пытаясь замаскироваться сорванными веточками березы.

– Нигде прятаться не придется, – как можно беззаботней махнул рукой Лавренко, хотя в душе он страшно боялся, что Митрофанов пошлет его куда подальше с этой идеей. – Предложи ему вместе дойти до дома, а потом погляди, будет ли он еще куда-нибудь выходить. И если будет, проследи, куда отправился, с кем встретился. У тебя окна куда выходят?

– Во двор.

– Ну вот! – довольно потер руки Макс. – Сиди около окна, жуй бутерброды. И тебе добро, и всему классу пользу принесешь. Ты же хочешь поехать в Болгарию?

– Не мешало бы, – уклончиво ответил Митрофанов.

– Ну вот! – принял этот ответ за согласие Лавренко. – Если что произойдет – звони. Я буду поблизости. – Он таинственно сощурился и приблизил свое лицо к румяному уху одноклассника: – У меня есть большие подозрения, что все эти падения и ушибы – дело рук нашего отличника. Но мы с тобой, – Макс выпрямился и торжественно положил руку Митрофанову на плечо, – быстро выведем его на чистую воду!

Глава 2

Уравнение с тремя неизвестными

– Это... Ты сейчас куда? – Митрофанов изо всех сил старался придать своему голосу беспечность, но при этом так хмурился, что все его попытки пропали даром.

– Домой, – удивленно вскинул брови Жека.

– Ну, так пошли вместе, – мучительно краснея, произнес Митрофанов.

– С чего вдруг?

Митрофанов подумал и выдал последний аргумент:

– Так мы, это... в одном доме вроде живем.

– Ну, пойдем, – осторожно согласился Стриженов.

Но до дома они дошли не сразу. Не успели одноклассники отойти от школы, как Жека хлопнул себя ладонью по лбу:

– Черт возьми! Я же забыл в магазин зайти.

С этими словами он свернул к ближайшему супермаркету.

– Я тоже в магазин, – заторопился Митрофанов. – У меня дома хлеб кончился, – добавил он в свое оправдание.

В супермаркете Жека устремился к молочному прилавку, а Митрофанов застыл около витрины со сладостями. Он уже почти решил купить торт «Киевский» и, мысленно подсчитывая сбережения, шуршал денежными бумажками в кармане, как вдруг заметил, что Стриженов получает в кассе сдачу. Оторваться от прилавка было очень нелегко, но он это сделал.

– погоди! – выбежал Митрофанов из дверей. – Ты куда?

– А ты куда? – недовольно нахмурился Жека.

– Домой, – сопел от слишком быстрой ходьбы Митрофанов.

– Дорогу, что ли, забыл?

– Вдвоем веселее, – не отставал Митрофанов.

Жека хмыкнул и прибавил шаг. Митрофанов за ним еле поспевал. На финишную прямую они вышли с большим отрывом. Стриженов успел войти в подъезд, открыть дверь своей квартиры, а запыхавшийся Митрофанов только выруливал из-за последнего поворота...

– Докладывай!

Ради того чтобы взять трубку надрывающегося телефона, Митрофанов совершил невероятный рывок от двери к аппарату. В трубке звучал насмешливый голос Макса.

– Что нового? – с настойчивостью бензопилы спрашивал Лавренко.

– Ничего. – Митрофанов с трудом перевел дух, в какой раз пожалев, что ввязался в это дело. – Сходили в магазин, он купил кефир, я ничего не успел купить. Все. Только что домой пришли.

– Сиди у окна, – продолжал командовать Макс. – Он себя еще проявит.

Сидеть у окна Митрофанову не хотелось. С большим удовольствием он сейчас полежал бы на диване с книжкой или посмотрел какой-нибудь боевик: он очень уважал фильмы, где дерутся и постоянно бегают. Решив для себя, что для очистки совести можно немного и поспать, Митрофанов сделал стопку бутербродов, взял журнал про анимэ и устроился на подоконнике.

Смотреть на улицу было скучно. По только-только зазеленевшим листочкам скакали жизнерадостные воробьи. Ворона сыпала на редких прохожих мусор из гнезда. Дворник уныло мел и без того чистую улицу. От созерцания всего этого тянуло в сон. Бутерброды быстро кончились. В журнале ничего интересного не было.

Митрофанов уже подумывал все бросить и пойти-таки посмотреть телевизор, когда во дворе появились Вовка с Коляном. Одеты они были по-школьному, за плечами несли рюкзаки – значит, пошли они сюда сразу после уроков.

От волнения Митрофанов чуть не вывалился в окно. Он уже собирался бежать звонить, как вдруг с ужасом вспомнил, что не взял у Макса телефон. Трясущимися руками Митрофанов поднял трубку и вызвал из определителя номера последние звонки. Определитель часто врал, поэтому номер мог быть и неправильный. Но он все же стал набирать цифры, постоянно поглядывая в окно. Коля с Вовкой стояли на месте. Хлопнула входная дверь.

Телефон выпал из ослабевших рук Митрофанова, а сам он прилип к стеклу.

Из подъезда вышел Жека, за руку поздоровался с «бэшками» и начал какой-то разговор. Настойчивая трель звонка заставила Митрофанова вздрогнуть.

– Что нового? – Голос Лавренко в телефонной трубке, как всегда, был бодр.

– Они пришли, – прошептал Митрофанов, не в силах отвести взгляд от улицы.

– Кто? – Казалось, Макса эта информация не удивила.

– Карманов с Рыбкиным.

– Что делают?

Митрофанов привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– С Жекой разговаривают, – доложил он. – В дом пошли. Все трое.

– Будь на посту! – скомандовал Макс. – Я сейчас!

Митрофанов не успел как-то отреагировать на приказной тон одноклассника. Будь у него хотя бы полминуты на размышления, он непременно бы отказался – пускай Макс сам ловит своих преступников. Но в трубке раздались гудки, и спорить стало не с кем.

Лавренко появился неожиданно быстро. Митрофанов не помнил, чтобы он хоть кому-то говорил номер своей квартиры, этаж и код домофона, однако по звонку в дверь он понял, что Макс разобрался во всем и без его помощи.

– Еще никто не выходил?

Не разуваясь, Лавренко протопал к окну, безошибочно определив, куда надо идти. Во дворе никого не было.

– Давно они там?

Митрофанов посмотрел на часы, хотя время и не засекал.

– С того момента, как ты позвонил, – расплывчато ответил он.

– Ага. – Макс вскинул руку с часами к глазам. – Значит, тринадцать минут. Что ж, подождем...

Ждать пришлось долго. На лавочке около подъезда успела посидеть стайка бабулек, две мамочки с колясками обсудили все важные темы, кто-то выбросил из окна огромный букет роз, и они рассыпались по земле желто-зеленым ковром, пробежавший мимо мальчишка собрал цветы и куда-то их поволок, – а «бэшки» все еще сидели у Стриженова и уходить, похоже, не собирались.

– Может, они видик смотрят? – предположил Митрофанов, которому давно надоело паяльаться в пыльное стекло. – Может, они часа два там сидеть будут?

– Или выйдут через окно, – буркнул Макс, который, казалось, с каждой секундой все внимательней и внимательней вглядывался в пустой двор.

– Ты тогда сиди, а я пошел, – попытался улизнуть Митрофанов.

– Стой! – Лавренко схватил одноклассника за руку. – Не уходи! Будешь сообщать обо всех подозрительных личностях.

Митрофанов с тоской уставился на ближайшие дома. Он-то был глубоко убежден, что ничего особенного в случившемся нет. Сидоровой нужно было быть просто немного повнимательней и не совать руки в двери. А Крюкова всего лишь споткнулась и упала на стол, никто не

виноват, что чайники на нее свалились. Хотелось, чтобы дурацкая пятница поскорее закончилась и жизнь снова стала тихой и спокойной.

– Не спи! – толкнул задремавшего одноклассника Макс. – Вон они!

Митрофанов глянул на часы. Прошло два часа. Ничего себе посидели!

Во дворе около лавочек стояли Колька с Вовкой. Они о чем-то совещались, лица у обоих были хмурые.

– Договариваются, – жарко зашептал около самого уха Митрофанова Лавренко. – Сейчас пойдут гадости делать. Спорим, завтра что-нибудь с Жекой случится?!

– Почему с Жекой? – После долгого ожидания соображал Митрофанов с трудом.

– Для отвода глаз, – тоном знатока сообщил Макс. – Так всегда делают, чтобы подозрения от себя отвести. Если все вокруг пострадают, а он нет, на него непременно подумают.

– А-а-а... – протянул Митрофанов, хотя все равно ничего не понял.

– Все, считай, что улики у нас в кармане. – Макс довольно потирал руки.

– Какие же тут улики? – Митрофанов не очень любил детективы, но даже его небольшого читательского опыта было достаточно, чтобы понять: произошедшего для обвинения мало. – Сходили в гости – и все. Ничего противозаконного.

– Это в мирное время ничего противозаконного. А в условиях грядущего сражения каждый контакт с противником приравнивается к государственной измене.

Митрофанов пару раз хлопнул ресницами, чтобы лишний раз убедиться, что происходящее ему не снится, и на всякий случай кивнул.

Тем временем «бэшки» медленно пошли прочь от дома. Митрофанов уже надеялся, что на этом мучения сегодняшнего дня закончились, но тут из подъезда показался Стриженов. Вытянув шею, он проследил за ушедшими ребятами и, прячась по кустам, пошел следом за ними.

– Ха, он думает, мы его не увидим, – обрадованно хлопнул в ладоши Лавренко. – Не отходи от окна, я скоро! Обо всем подозрительном потом доложишь!

Уходя, он так оглушительно хлопнул дверью, что Митрофанов зажмурился.

«Бэшки» не спеша шли по дороге, о чем-то тихо переговариваясь. В десятке шагов позади них, прячась за машинами, крался Жека. Он был настолько увлечен своей охотой, что идущий следом Макс мог не опасаться, что его заметят: оборачиваться Стриженов не собирался. В таком порядке они прошли несколько кварталов. Около кинотеатра их движение застопорилось. «Бэшки» вошли внутрь, потоптались около бара, а потом отправились в угол к игровым автоматам. Вовка принялся из пистолета гонять монстра, а Колька стал покорять автотрассу.

Жека маячил в дверях. Макс ничего не оставалось, как спрятаться за киоском с мороженым.

Вдруг Стриженов снялся со своего наблюдательного пункта и пошел обратно. Произошло это настолько неожиданно, что Лавренко чуть не выдал себя. Но он успел вовремя надвинуть кепку на глаза и чуть ли не целиком залезть в окошко с мороженым, наугад называя первый попавшийся сорт.

Жека прошел мимо, что-то бормоча себе под нос. Макс очень хотелось схватить его за руку и предъявить собранные доказательства преступного сговора. Но его время еще не пришло.

Теперь от Стриженова и подавно можно было не прятаться. Жека шел, погруженный в себя, и не оглядывался по сторонам. Не сильно досаждая друг другу, одноклассники вернулись обратно к дому, где в окне первого этажа маячила кислая физиономия Митрофанова.

Стриженов остановился под козырьком подъезда, задумчиво рассматривая мыски своих ботинок. Потом кивнул каким-то своим мыслям и шагнул к двери.

Дальнейшее произошло мгновенно. Дверь подъезда бесшумно распахнулась и врезала Стрижену по склоненной голове. Жека успел поднять вверх удивленные глаза и бревном повалился на землю. Дверь так же бесшумно закрылась. Выходить из нее никто не собирался.

Осторожный Лавренко секунду размышлял, выдавать свое присутствие или не надо. Но потом страх за приятеля (пусть даже и возможно предателя) взял верх. Макс подбежал к лежащему Стрижену, чуть сам не угодив под открывающуюся дверь – из дома на помощь Жеке мчался Митрофанов.

– Жив? – От страха глаза у Митрофанова готовы были выскочить из орбит.

– Жив будет, не помрет, – мрачно пошутил Макс.

Митрофанов с Лавренко перетащили Стрижену на траву, потрясли за руку. Жека застонал.

– После такого нокаута он даже если что и знал, то теперь непременно забудет, – пробормотал Лавренко, стирая со лба внезапно выступивший пот.

– Кто-нибудь выходил? – Митрофанов с тревогой наблюдал, как отличник приходит в себя.

– А точно! – ахнул Макс, вскакивая. – Не было никого! Это что же, специально сделали?

Он запоздало бросился к подъезду, но на лестничной клетке все было тихо. Лифт тоже не работал.

– Эх, жаль, я не догадался сразу посмотреть! – расстроено мял ладони Лавренко.

– А может, Жека сам себя стукнул, – предположил Митрофанов. – Ты же говорил, что для отвода глаз он может себя покалечить.

– Женька-то? – с сомнением переспросил Макс и оглянулся на Стриженова. Тот пришел в себя и смотрел на приятелей прозрачными, ничего не видящими глазами.

– Эй, ты как? – забеспокоился Митрофанов.

– Ребята... – слабо улыбнулся Стрижену и снова отрубился.

– Не, сам бы он так не смог, – кивнул каким-то своим мыслям Макс. – Давай его поднимать. Чего он тут ковриком валяется?

Как только Жеку начали тормошить, он открыл глаза, взгляделся в склоненные лица и нахмурился.

– А где эти двое? – задергался он на руках друзей.

Макс с Митрофановым переглянулись.

– Бредит, – решил Лавренко, берясь за плечи одноклассника.

– Чего было-то? – отстранился Стрижену.

– Дверью тебя по лбу стукнуло, – насупившись, сообщил Митрофанов. Ему не нравилось, что дело, в которое его втянули, становилось таким опасным. – Ходить надо внимательней. Видишь, шишак какой вскочил. До пятницы не пройдет.

– До пятницы? – Жека задумался и вдруг испуганно ахнул: – До пятницы!

– Ну, точно тронулся. – Лавренко на всякий случай отполз подальше, опасаясь, что сумасшествие может быть заразно.

Стрижену с трудом поднялся, покачиваясь, подошел к двери, коснулся ручки. Дверь на хорошо смазанных петлях легко открылась. Возвратный механизм у нее был отсоединен.

– Это все подстроено, – потирая ушибленный лоб, произнес Жека.

– Интересно только – кем, – с сомнением отозвался Макс и покосился на Стриженова. Но Жека на него не смотрел. Он придирчиво изучал дверь, словно мог невооруженным глазом обнаружить отпечатки пальцев.

– Чисто сработано, – покачал гудящей головой Стрижену. – Откуда же они наблюдали за мной?

– Да откуда угодно! – Лавренко оглянулся, уже собираясь показать места, откуда могли следить. Но, увидев распахнутое окно на первом этаже, смутился и поспешно отвел взгляд. Не

хватало еще, чтобы в слежке обвинили их самих. – Ты шел, как слепой гиппопотам. Совсем по сторонам не смотрел.

– Зато мы теперь точно знаем, что это не они, – вдруг изрек Жека. К великому облегчению Лавренко, Стриженов и не думал искать своих преследователей.

– Кто «не они»? – в один голос спросили Митрофанов с Максом и в четыре глаза уставились на Жеку.

Глава 3

Верное средство от волнений

Приятели сидели на кухне у Стриженова. Жека прижимал ко лбу консервную банку. Рядом на столе стояло еще несколько банок и лоток со льдом. Сильно покрасневший лоб и радужно лиловеющая шишка не мешали ему складно излагать свои мысли.

– Сидорова не такая глупая, чтобы ни с того ни с сего подставить руку под дверь. Версия, что ее толкнул карапуз, тоже не подходит. Я проверил. Она ходила в процедурный кабинет, совсем уж оторванной мелюзги там нет. Да и Крюковой, чтобы самой опрокинуть на себя стол, пришлось бы постараться. Он переворачивается, только если его приподнять с другой стороны.

– А кто был с другой стороны? – задал резонный вопрос Митрофанов.

– Да кого там только не было! – Жека взял новую банку. – Целое стадо прошло.

– И «бэшки» там были! – довольно щелкнул пальцами Макс, словно перед этим битый час с пеной у рта доказывал, что главные виновники – «бэшки», а не пытался свалить всю вину на Стриженова.

– И «Б» были, и «В» были, – кивнул отличник и поморщился: после удара у него не только голова болела, но и шеей было тяжело шевелить. – «Вэшек» мы вычеркиваем, они нам вообще не конкуренты со своим единственным Пугачевым. Он в одиночку весь класс не вытянет. Да и двоечников у них там много... Остается «Б».

– Остается «Б», – как эхо поддакнул Лавренко, преданно глядя на покалеченного приятеля.

– А вот он говорил, что ты «бэшкам» продался, – нарушил дружескую идиллию Митрофанов.

Макс метнул на него испепеляющий взгляд, но Жека только поморщился. И то скорее от боли, чем от недовольства.

– Кто-то должен во всем разобраться. – Он взял третью банку и блаженно улыбнулся, когда холодное железо коснулось раскаленной шишки. – Сначала я подумал на Карманова с Рыбкиным. Чего они в понедельник около нашего класса околачивались? Не иначе как планы строили. Всем же хочется поехать на халяву в Болгарию. А шансов – пятьдесят на пятьдесят. Либо поедут, либо нет.

– А и Б сидели на трубе, – пробормотал Митрофанов.

– А упало, Б пропало, – подхватил Макс. – Что осталось на трубе? Ясно, что И. Это ты к чему?

– На крыше кто-то еще был, кроме А с Б, – пожал плечами Митрофанов, косясь на консервные банки – кормить их Жека не собирался, а есть уже хотелось.

– Найдем мы эту загадочную И. – Третья банка была отставлена в сторону. Стриженов взялся за шпроты. – Колян с Вовкой вполне могли дотумкать своими деревянными мозгами, что если убрать у нас всех отличников, то вероятность того, что они поедут в Болгарию, возрастает.

– Ага, а также хорошистов и троечников заодно, – натужно сопел Митрофанов. – Легче уж весь класс птичьим гриппом заразить, возни меньше.

– Не нужны им все! – Жека стал отчетливо произносить слова, в надежде, что его наконец поймут. И даже банку отложил в сторону. – Им нужны только потенциальные соперники. В понедельник Карманов с Рыбкиным вокруг нашего класса терлись, как будто придумывали что-то. Вот я и решил за ними проследить и предложил подтянуть их по алгебре. – Стриженов победно улыбнулся. – Они, дураки, и согласились.

– Ты что! – возмутился Макс. – Они же против нас решать будут!

– Ничего они против нас не решат, – успокоил приятелей Жека. – У них в голове кисель с молоком, а не математика. Я два часа с ними бился над простыми задачками – чуть не закипел!

– Так чего же ты за них взялся-то? – так и не понял Лавренко.

– Они эти два часа были у меня под контролем и, если что-нибудь готовили, вполне могли расколоться.

– Ага, и под твоим неусыпным контролем порезали бы тебя на мелкие кусочки, – довольно воскликнул Макс, хлопая в ладоши. – Вот бы мы тебя потом склеивали!

– Они не они, но «бэшки» не дураки, чтобы так подставляться, – не согласился Стриженов. – Если бы они себя выдали, можно было бы считать, что путевки у нас в кармане. Им директриса такую выволочку устроила бы, что ни о какой Болгарии «бэшки» и не мечтали бы. Но эти двое ничего подозрительного не делали. И не говорили. Либо соблюдали строжайшую секретность, либо это вообще не они. Слишком уж мозги у них непрошибаемые. Такие ни до чего не додумаются. Их предел – драка в подворотне.

– Получается, что каждый сам себя покалечил? – ахнул Макс.

– Получается, что есть кто-то, кого мы не замечаем, – вздохнул Жека непонятливости своих собеседников. – То самое И, спрятавшееся за трубой. Наверняка этот неизвестный вертелся около подъезда. Он ведь должен был как-то петли смазать и пружину снять. А для этого нужно хотя бы войти да еще дверь пару раз открыть, проверить. И незаметно это сделать нельзя.

Лавренко повернулся к Митрофанову. Тот испуганно выкатил глаза и недовольно засопел, словно его обвинили как минимум в трех наводнениях и пяти поджогах.

– Что я, чужого не заметил бы? – начал оправдываться он. – Не было никого. Все только свои. Бабки там, мамашки с колясками... Да и вряд ли это делал один человек. Наверняка целая шайка орудует: один следит, другой дверь смазывает, третий готовится этой самой дверью по лбу кому-нибудь заехать...

– А может, это чей-нибудь родитель все придумывает? – встрепнулся Лавренко. – Мы ищем среди учеников, а это папашка чей-то с отверткой под дверью стоял. Чтобы так врезать, между прочим, нужна еще какая силища! Придется всех проверить.

– Как ты это будешь делать? – нахмурился Митрофанов. – Станешь у взрослых спрашивать, где они были в два часа дня? Да они тебя сразу же пошлют.

– Не надо никого опрашивать, – тяжело склонился над столом Стриженов. – Сами попытаемся вычислить. Эх, жаль, времени у нас маловато осталось, всего два дня. Ну, ничего. Будем ловить на живца.

– На что? – насупился Митрофанов. Сравнения с едой его всегда напрягали.

– Сидорову с Крюковой вычеркиваем, они больше не бойцы. Вряд ли Каринка научится писать забинтованной рукой, а Ирка со своей справкой и вовсе может до понедельника в школе не появиться. Меня тоже можно списать. Остается Емцов. Вот на него и будем ловить, – и он торжественно оглядел собравшихся. – Пошли к Митьке!

Как только они появились на пороге емцовой квартиры, Митька все понял и как-то сразу сник.

– А со лбом у тебя что? – без всякого энтузиазма поинтересовался «последний» отличник.

– Дверью прибило, – спокойно объяснил Жека. – Так что ты у нас теперь один остался.

Митька пропустил одноклассников в крошечную прихожую и тщательно запер замки.

– Я так и подумал, – грустно сообщил он, и плечи его обреченно сгорбились. – Я знал, что без меня это дело не закончится. Но я готов отступить. – Митька поднял голову, в глазах у него мелькнуло что-то похожее на слабый отсвет надежды. – Я могу вообще не ходить в пятницу или написать на тройку.

– Не сможешь, – жестко отрезал Жека. – Идти тебе придется по-любому, да и на тройку ты не напишешь, потому что не умеешь их получать.

– А может, вы меня сами чем-нибудь стукнете? – Плечи отличника снова поникли. – Только не больно.

– Может, ногу ему сломать? – ухватился за предложение Макс. – Нога не рука, писать он сможет.

– Ну и что с того, что сможет? – начал злиться на непонятливость одноклассника Стриженов. – Митька нам нужен живой и здоровый. Чтобы злоумышленника поймать.

– Как же вы его станете ловить, если все время будете рядом? – поднял печальные глаза Емцов.

– А с чего ты взял, что мы будем рядом? – Митрофанов с опаской потрогал свой объемный живот, словно испугался, что за треволнениями сегодняшнего дня он стал заметно меньше.

Казалось, что Митька вот-вот утечет сквозь досочки паркета – до того он был испуган этим сообщением.

– А вы разве не будете следить? – еле слышным шепотом спросил он.

– Будем, – отозвался Стриженов. – Но нам нужно, чтобы противник нанес удар, иначе мы ничего не сможем доказать.

Митька съежился под взглядами трех пар глаз и стал совсем маленьким и несчастным. Такого не то что обижать, близко подходить было боязно: вдруг от одного дыхания возьмет и рассыплется в прах.

Жека недовольно посмотрел на одноклассника.

– Да ладно тебе, не бойсь! – по мере сил подбодрил он Митьку. – Никто тебя убивать не будет. Дверью разве что прихлопнут или шкаф уронят – всего-то делов.

– Шкаф? – еле слышно пискнул Емцов, готовый от ужаса грохнуться в обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.